

Анатолий Всеволодович Фадеев ДЕКАБРИСТЫ в ОТДЕЛЬНОМ КАВКАЗСКОМ КОРПУСЕ

Вопросы истории. 1951, № 1. С. 100-107

Веб-публикация: [Vive Liberta](http://vive-liberta.ru), 2011

Известно, что многие офицеры и солдаты — декабристы были сосланы на Кавказ, в войска Отдельного Кавказского корпуса.

Однако о пребывании декабристов на Кавказе до сих пор нет специальной работы, за исключением небольшого очерка Е. Вейденбаума, написанного в либерально-буржуазном духе и уже потому неспособного удовлетворить советского читателя¹. Лишь попутно, в связи с другими проблемами, эта тема была затронута в трудах советских историков М. В. Нечкиной² и Г. В. Хачапуридзе³.

Между тем вопрос о пребывании декабристов на Кавказе, несомненно, представляет большой интерес. Он важен не только потому, что раскрывает связи декабристов с прогрессивными представителями местной кавказской интеллигенции, но и потому, что позволяет выяснить их отношение к проблемам международной политики и военного искусства.

Выявленные в фондах Центрального государственного военно-исторического архива и Центрального государственного исторического архива Грузинской ССР материалы, а также мемуары самих декабристов позволяют в некоторой мере осветить этот вопрос и наметить пути его дальнейшего исследования.

На Кавказ по приговору Верховного уголовного суда первоначально были сосланы только двое из разжалованных в рядовые офицеров-декабристов. Остальные разжалованные были отправлены в сибирские и приуральские («оренбургские») гарнизоны. Лишь 22 августа 1826 г. особым указом Николая I они были переведены рядовыми в «полевые полки Отдельного Кавказского корпуса». Таким образом, на Кавказ попало 11 декабристов. В 1826—1828 гг. в Отдельный Кавказский корпус в порядке «исправительного наказания» было переведено ещё 25 офицеров, «прикосновенных к делу о злоумышленных обществах»⁴. Позднее, в период 1828—1848 гг., отбывавшие наказание в сибирской ссылке, на каторге и в крепостных казематах 23 декабриста в знак «высочайшей милости» также получили разрешение отправиться рядовыми в полки Отдельного Кавказского корпуса⁵. Наконец следует уп-

мянуть переведённых на Кавказ в 1826 г. капитана В. Д. Вальховского и полковника Н. Н. Раевского, которые, хотя и не были официально признаны виновными, оставались в глазах царя политически неблагонадёжными.

На Кавказ было сослано и большинство солдат, принимавших участие в декабрьском восстании 1825 года. Из рядовых гвардейских частей, вышедших по призыву офицеров-декабристов на Сенатскую площадь, был сформирован Сводный гвардейский полк. В августе 1826 г. он прибыл в Тбилиси в составе 38 офицеров и 1282 рядовых⁶. В сентябре того же года штаб Отдельного Кавказского корпуса принял первую партию солдат Черниговского пехотного полка, насчитывавшую 827 человек, а позднее — ещё около 700 солдат, участников восстания на юге⁷.

В итоге к 1827 г. в рядах Отдельного Кавказского корпуса числилось до 2 800 солдат-декабристов.

В 20-х годах XIX в. Отдельный Кавказский корпус сильно отличался от других соединений русской армии не только специфическими здесь условиями службы и быта, но и необычным личным составом. Среди «нижних чинов» было немало «штрафованных» и «ссыльных», участников крестьянских и солдатских волнений. И среди офицеров имелся значительный процент переведённых сюда за политическую неблагонадёжность, не желавших примириться с аракчеевскими «нововведениями» и тем реакционным режимом, который насаждался в армии после Отечественной войны 1812 года.

Оппозиционное отношение к официальной, признанной правительством военной доктрине не чуждо было и самому командиру Отдельного Кавказского корпуса генералу А. П. Ермолову. Пользуясь удалённостью от столицы и предоставленными ему широкими полномочиями, Ермолов руководил войсками, не считаясь с официальными уставами и «высочайше одобренными» наставлениями.

Постепенно вокруг Ермолова образовался тесный круг друзей и единомышленников, связанных между собой не только узлами воинского товарищества, но и критическим отношением к действительности и прежде всего ненавистью к аракчеевщине. Не случайно брат царя Михаил Павлович обвинял Ермолова в «панибратстве с

¹ Е. Вейденбаум. Декабристы на Кавказе. «Русская Старина» № 6 за 1903 год.

² М. Нечкина. Грибоедов и декабристы. М. 1947.

³ Г. Хачапуридзе. К вопросу о культурных связях России и Грузии в первую половину XIX века. «Вопросы истории» № 5—6 за 1946 год.

⁴ Центральный государственный исторический архив (ЦГАИ) Грузинской ССР, ф. 1025, оп. 1, д. № 77, лл. 4, 10, 21—24, 113.

⁵ Там же, ф. 1106, д. № 599, л. 19—20. Материалы С. Эсадзе.

⁶ Там же, л. 19.

⁷ Там же, ф. 1052, оп. 5, д. № 453, л. 236. Предписание начальника штаба Отдельного Кавказского корпуса от 27 декабря 1826 г. а также л. 237 — «Список нижних чинов Черниговского и Елецкого пехотных полков участвовавших в мятеже и распределённых в полки, в Грузии расположенные».

молодыми офицерами»⁸, а начальник Главного штаба барон Дибич — в том, что «пагубный дух вольномыслия и либерализма разлит между войсками»⁹.

В конце концов содружество «ермоловцев» стало представляться в виде какого-то тайного общества. Недаром накануне 14 декабря 1825 г. Николай I писал Дибичу в Таганрог: «Вы... не оставите [извещать] меня обо всём, что у вас или вокруг вас происходит будет, особенно у Ермолова... Ему менее всех верю...»¹⁰.

Понятно поэтому, что переведённые в Отдельный Кавказский корпус декабристы встретили здесь тёплый и радушный приём. «На Кавказе вообще искони был вкоренившийся уже обычай относиться самым снисходительным, даже предупредительно внимательным образом ко всяким разжалованным»¹¹, — писал один из современников. В период своего командования корпусом Ермолов сам подавал пример такого «предупредительно внимательного» отношения к ссыльным и разжалованным. М. И. Пущин рассказывает, что, когда по прибытии на Кавказ, он явился вместе со своим товарищем П. П. Коновницыным для представления Ермолову, последний обнял их и поздравил с благополучным возвращением из Сибири. «После этого, — продолжает Пущин, — он прислал нас сесть, предложил чаю, расспрашивал о пребывании нашем в Сибири, обнадёживал, что и Кавказ оставит в нас хорошее воспоминание. Продержав нас с час времени, он отпустил нас с благословением на новое поприще».

Нетрудно представить, какое впечатление произвёл такой приём на ссыльных декабристов. «Час этот, проведенный у Ермолова, поднял меня в собственных глазах моих, и, выходя от него, я же с некоторой гордостью смотрел на свою солдатскую шинель»¹², — заканчивает Пущин свой рассказ.

Удивительно ли, что прибывшие в Тбилиси ссыльные декабристы бывали «званы на некоторые офицерские обеды»¹³, о чём спешил донести царю барон Дибич.

Не только молодые «ермоловцы», но и «старые кавказцы» проявляли сочувствие к декабристам. А. С. Гангеблов вспоминает, как по пути в Тбилиси его принимал у себя комендант Владикавказской крепости генерал Скворцов. Скворцов выразил «недоверие к справедливости следственной комиссии по декабрьскому делу» и «просил сказать ему всю правду» об истинных намерениях его участников¹⁴. Гангеблов подчёркивает

искренность простодушного старого служачи, осуждавшего жестокою расправу правительства с лучшими представителями русского офицерства.

Военный министр граф Чернышёв от имени царя требовал от Ермолова «доводить ежемесячно до сведения Е. В. на счет службы и поведения всех офицеров, переведённых... в Отдельный Кавказский корпус из числа изобличённых в участии в злоумышленных тайных обществах»¹⁵. В ответ Ермолов неизменно доносил, что ссыльные декабристы «ведут себя хорошо и службу исполняют с усердием»¹⁶.

Таковыми же лаконичными и стереотипными фразами, за которыми, однако, нетрудно угадать благожелательное отношение к декабристам, пестрят и ежемесячные рапорты полковых командиров, на которых лежала обязанность «повседневню следить за... поведением ссыльных».

В апреле 1827 г. Ермолов был уволен в отставку и заменён любимцем царя И. Ф. Паскевичем. С уходом Ермолова, а вслед за ним и некоторых видных «ермоловцев» (Мадатова, Вельяминова и др.) положение ссыльных декабристов ухудшилось. Но и Паскевич на первых порах вынужден был считаться с ними, разумеется, не из сочувствия к идеям декабризма, а из-за острого недостатка на Кавказе в подготовленных и опытных офицерах.

Именно поэтому некоторые из «прикосновенных к декабрьскому делу» были назначены командирами полков¹⁷, а другие «причислены к корпусному штабу»¹⁸. Даже разжалованный в рядовые декабрист Е. Е. Лачинов выполнял функции штабного офицера, производя топографические съёмки, а зачисленный рядовым в 8-й пионерный (сапёрный) батальон М. И. Пущин исполнял обязанности корпусного инженера.

Естественно, что декабристы, занявшие в частях Отдельного Кавказского корпуса командные должности, старались по возможности облегчить участь своих товарищей и приблизить их к себе по службе. Так, М. И. Пущин ходатайствовал о зачислении в батальон, в котором он служил, П. П. Коновницына и А. С. Гангеблова. Н. Н. Раевский, командовавший Нижегородским драгунским полком, «наполнил свой штаб большей частью из декабристов и ссыльных офицеров», а «прочих, не бывших в его штабе, он ласково принимал в своем доме»¹⁹. В его полку служили сосланные на Кавказ Семичев, Оржицкий, Молчанов, Депрерадович. Пользуясь своим служебным положением

⁸ М. Погодин. А. П. Ермолов, стр. 443. СПб. 1864.

⁹ «Русская Старина», декабрь 1883 г., стр. 658.

¹⁰ Там же, март 1882 г., стр. 195.

¹¹ А. Зиссерман. 25 лет на Кавказе. Ч. 2, стр. 56. СПб. 1879.

¹² «Записки М. И. Пущина». «Русская Старина», февраль 1884 г., стр. 307.

¹³ «Русская Старина», сентябрь 1872 г., стр. 261.

¹⁴ «Воспоминания А. С. Гангеблова». «Русский архив» № 2 за 1886 г., стр. 236.

¹⁵ ЦГИА Грузинской ССР, ф. 1025, оп. 1, д. № 77, л. 10. Отношение Чернышёва от 2 октября 1826 года.

¹⁶ Там же, л. 149. Рапорт Ермолова от 11 февраля 1827 года.

¹⁷ Полковник Бурцов — Херсонского гренадерского (с 1828 г.), полковник Леман — 41-го егерского (с 1827 г.), подполковник Миклашевский — 42-го егерского (с 1829 г.).

¹⁸ Капитан Вальховский, поручик Искрицкий, сотник Сухорукон.

¹⁹ «Воспоминания братьев Бестужевых», стр. 87. СПб. 1917.

ем, не раз выручал товарищей В. Д. Вальховский, исполнявший обязанности оберквартирмейстера корпуса.

Эти узы дружбы и взаимопомощи, связывавшие сосланных на Кавказ «участников декабрьского дела», были столь крепки, что не оставляли у командующего корпусом сомнений в том, что между ними продолжал существовать «дух сообщества»²⁰.

Старался обогатить участь ссыльных декабристов и А. С. Грибоедов, служивший в 1826—1827 гг. при главном командующем на Кавказе по «дипломатической части», с 1827 г. фактически возглавлявший здешнюю дипломатическую канцелярию, а в 1828 г. назначенный русским посланником в Иране. Декабристы называли его своим «общим другом и благодетелем»²¹.

Несмотря на «строгое и неусыпное наблюдение за тем, чтобы сосланные на Кавказ не могли распространять между товарищами каких-либо вредных толков»²², Паскевичу не удавалось полностью изолировать декабристов и лишить их возможности дружеского общения между собой и с новыми сослуживцами по армии.

Круг встреч и связей декабристов, сосланных на Кавказ, не ограничивался товарищами по оружию — «ермоловцами» — и приезжавшими иногда с севера старыми друзьями, в том числе А. С. Пушкиным, посетившим декабристов во время своего путешествия в Арзрум. Постепенно возрастал их интерес к окружающей действительности, накапливались впечатления, завязывались новые знакомства, приобретались новые друзья.

Оказавшись, как выражался Бестужев, «в сердце Кавказа», ссыльные декабристы были поражены яркими красками и богатствами его природы. «В первый раз я встретил весну в Грузии... — писал брату П. Бестужев. — Пленительные места! Не диво, что поэты с таким восторгом говорят о здешней природе...»²³.

Но не только разнообразные и красочные ландшафты Кавказа привлекали внимание декабристов. С горечью отмечая, что сведения о Кавказе «текут к нам сквозь иностранное решето», и иронически отзываясь о сочинениях зарубежных кавказоведов вроде Рейнегса, Клапрота и Гюльденштедта, А. Бестужев писал: «Слова нет, чрезвычайно любопытно читать о новооткрытой на Кавказе божьей коровке, о невиданном доселе репейнике, о том, что разумели древние под именем Фаза и Камбиза, и от чего взялась басня о золотом руне Колхиды?.. Все это необходимо в области наук, но для человека самая

нужная, самая поучительная статья есть человек, и нам бы хотелось лучше знать настоящие нравы, обычаи, привычки горцев, нежели играть в жмурки с древними Меланхленами»²⁴.

И его товарищ по ссылке Беляев, проезжая по Военно-Грузинской дороге, пылливо вглядывался в разбросанные по склонам гор селения и размышлял о том, что «и тут бьются сердца радостью и любовью, и тут те же человеческие страсти и желания, мучения и отрада — словом, та же, только в различных формах, жизнь сынов человеческих, рассеянных по лицу земли»²⁵.

В период жесточайшей политической реакции и разгула великодержавного шовинизма, в обстановке грубого произвола царских сатрапов и насилья крепостников-феодалов подобные заявления звучали как проповедь подлинного гуманизма и сочувствия к тем, кого официальная пресса именovala не иначе, как «хищниками» и «дикарями».

Декабристам было чуждо предвзятое мнение о коренных обитателях Кавказа, высказываемое чванливой петербургской знатью и теми отбросами российской бюрократии, которые заподаляли административные учреждения «Кавказского края». Уважая национальные традиции народов Кавказа, они проявляли глубокий интерес к их богатому прошлому, их древней и своеобразной культуре, языку, общественному и семейному быту, экономическому благосостоянию.

Тот же Беляев, ознакомившись по пути в Тбилиси с древними памятниками Мухета, писал: «Как сильно интересует мыслящего человека судьба прошедших поколений! Особенно в Грузии, где так много памятников глубокой древности, этот интерес особенно силен... Грузинский народ занимает то место в нашем Старом Свете, где как в ворота проходили бесчисленные народы из Азии в Европу. Что должен был испытывать в разное время этот народ, чтобы удержаться в своей прекрасной стране. Сколько событий проходило перед ним, сколько кровавых битв он должен был выдержать!.. Опасности и битвы должны были питать любовь к родине, святые, воспитывать воинскую доблесть и мужество»²⁶.

Находясь в Тбилиси, ссыльные декабристы не только с интересом осматривали город, являвшийся в течение столетий средоточием политической и культурной жизни Грузии, но и знакомились с представителями передовой грузинской интеллигенции. Этому немало способствовали ссыльный декабрист А. С. Гангблов, грузин по национальности, а также служившие в Отдельном Кавказском корпусе офицеры-грузины: Александр Чавчавадзе, Эристави, Андрионкашвили и другие. Часто посещали декабристы дом Чавчавадзе, где, по словам современника, «каждый день с утра собирались родственники и родственницы грузинские, потом начинали при-

²⁰ Отношение Паскевича от 12 декабря 1827 года. См. В. Потто. История Нижегородского драгунского полка. Т. 3, стр. 147. СПб. 1893.

²¹ М. Нечкина. Грибоедов и декабристы, стр. 525. М. 1947.

²² Отношение Дибича от 27 октября 1827 года. См. Г. Вейденбаум. Указ. соч., стр. 484.

²³ «Воспоминания братьев Бестужевых», стр. 387. М. 1931.

²⁴ А. Марлинский. Соч. Т. 2, стр. 147. СПб. 1838.

²⁵ П. Беляев. Воспоминания декабриста, стр. 398. СПб. 1882.

²⁶ Там же, стр. 399.

ходить русские, один за другим, как кто осoboждал только от службы...»²⁷.

Встречались они и с молодыми поэтами Григолом Орбеллиани и Николозом Бараташвили, редактором газеты «Тифлиссские ведомости» С. Додашвили, литератором С. Размадзе и другими представителями передовой грузинской общественности. Это были люди, которые понимали положительное значение присоединения Грузии к России и необходимость укрепления дружбы и культурного сотрудничества русского и грузинского народов, но в то же время резко осуждали колониальную политику русского царизма и обличали произвол царских чиновников, управлявших Закавказьем. На них произвело большое впечатление смелое выступление декабристов против царского деспотизма, и они проявляли в отношении сосланных на Кавказ участников декабрьского восстания братское сочувствие и дружеское участие²⁸.

В свою очередь, сосланные декабристы, откликавшиеся на волновавшие грузинскую интеллигенцию политические проблемы, обнаруживали стремление к более активному участию в общественной жизни Грузии.

Поэт-декабрист А. Одоевский написал стихотворение «Брак Грузии с русским царством», посвящённое проблеме русско-грузинских отношений. В. Д. Сухоруков сотрудничал в газете «Тифлиссские ведомости» и даже задумал писать очерки по истории Грузии, он начал собирать для этого необходимые материалы²⁹.

Многим из декабристов приходилось подолгу находиться за пределами Грузии — в Азербайджане и Армении. И здесь они с интересом знакомились с местным населением, устанавливали дружеские связи с его представителями. А. Бестужев, который в течение четырёх лет прожил в Дербенте, изучил азербайджанский язык и приобрёл большую популярность среди жителей этого города. Он неоднократно встречался с азербайджанским историком А. Бакихановым и поддерживал дружбу с выдающимся азербайджанским просветителем Мирза Фатали Ахундовым.

Декабристам пришлось принять участие в военных действиях, которые велись тогда в горных районах Северного Кавказа. Они отрицательно относились к мюридизму, рассматривая его как порождение воинствующего исламизма³⁰. Однако они не питали огульной ненависти к горцам и были чужды утверждений об их прирождённой якобы «склонности к разбою».

Вместе с тем декабристы решительно осуждали военно-феодалные методы завоевательной политики царизма и режим национального угнетения и бесправия, который

устанавливали царские администраторы. «Когда-то эти божи места путём просвещения, цивилизации сделаются достойным образованного человечества? — писал декабрист Н. И. Лорер. — Огонь и меч не принесут пользы»³².

Об этом же говорил А. Е. Розен, подчёркивая, что присоединение горного Кавказа к России должно осуществляться «не исключительно одним оружием». «Много горцев уже поступили добровольно в подданство России», они известны под общим названием «мирных черкесов», этим людям следовало дать всевозможные льготы и выгоды, оставить им пока их суд и расправу, не навязывать им судей-исправников». По его мнению, «хорошее управление не меньше русской храбрости может ускорить окончательное покорение и сделать его прочным»³³.

Конечно, в этих рассуждениях о «хорошем управлении» и роли «просвещения» звучало немало либерально-утопических ноток. Как известно, в силу своей классовой ограниченности декабристы были далеки от подлинно демократического решения национального вопроса. Но им, безусловно, было свойственно искреннее желание видеть Кавказ не в пламени войны, а в обстановке мирного труда и культурного прогресса. «Скоро ли настанет время, когда елей просвещения смоем кровь с крутиж Кавказа и обратит сынов его... в миролюбивых оратаев?»³⁴ — восклицал А. Бестужев.

Стремление к миру и дружбе с народами Кавказа резко отличало взгляды декабристов от политических установок царского правительства, завоевывавшего Кавказ «силой оружия» и порабождавшего его народы путём «усмирения или истребления непокорных».

Почти все декабристы, сосланные на Кавказ в конце 20-х годов XIX в., принимали участие в войнах с Ираном и Турцией. В походах 1826—1828 гг. против Ирана в полном составе участвовал опальный Сводный гвардейский полк. После заключения Туркманчайского мира он был отозван в Россию и 19 июля 1828 г. выступил из Тбилиси, конвоируя транспорт с трофеями и ценностями, полученными от шахского правительства в счёт контрибуции³⁵.

Бок о бок с ветеранами Кавказского корпуса сражались декабристы и из других закавказских полков. Войны с Ираном и Турцией они расценивали как освободительные для угнетённых шахским и султанским деспотизмом закавказских народов. Разжалованный в солдаты декабрист Е. Е. Лачинов прямо называл освободительными и поход 1827 г. против Ирана и поход 1828 г. против Турции. «Год назад, — писал он, — выступили мы из Джангили для освобождения Эчмиадзина, теперь шли для освобождения угнетённых чад его». Рассказывая о

²⁷ «Воспоминания Н. Торнау». «Русский вестник», 1869 г., стр. 698.

²⁸ См. Г. Хачапуридзе. Указ. соч.; его же. Дворянское движение в Грузии в 30-х годах XIX столетия. «Вопросы истории» № 7 за 1950 год.

²⁹ Ростовский областной государственный архив, ф. 55, оп. 1, л. № 506. Материалы для биографии Сухорукова, л. 3.

³⁰ А. Розен. Записки декабриста, стр. 336. СПб. 1907.

³² Н. Лорер. Записки, стр. 214. М. 1931.

³³ А. Розен. Указ. соч., стр. 261—262.

³⁴ Цит. по сб. «Русские писатели о Грузии», сост. В. Шадури, стр. 139. Тбилиси. 1948.

³⁵ ЦГИА Грузинской ССР, ф. 1106, л. № 599, л. 20.

походе в глубь Армении, он подчёркивал, что жители встречавшихся по пути армянских селений выражали искреннюю радость по поводу избавления от турецкого ига, и указывал, что это обстоятельство укрепляло моральный дух русских воинов. «Заметно было, что не одно желание отличиться, но какое-то родное душе каждого чувство сострадания вело всех»³⁶.

В то же время декабристы сознавали, что успехи русских войск на Кавказском театре войдут одним из слагаемых в общий итог войны с Турцией, от исхода которой зависела, в частности, судьба Греции. Мысль о том, что, участвуя в боях против турок в Закавказье, они помогают истекающим кровью в неравной борьбе греческим повстанцам, также вдохновляла их на ратные труды и подвиги.

После первых успехов, одержанных войсками Кавказского корпуса летом 1828 г. в Армении, П. Бестужев писал: «Если так же пойдут дела за Варною», то скоро «воспрянут утомлённые неравной борьбой потомки Периклов и Сократов»³⁷.

Разумеется, декабристам совершенно чужды были те политические цели, которые преследовало в ходе войн с Ираном и Турцией царское правительство. Декабрист И. Г. Бурцов в 1828 г. писал: «Оскорбительно даже думать, что столь великие жертвоприношения кровью русскою и казною делаются для каких-нибудь доходов или плантаций сахарных»³⁸.

В оценке этих войн декабристы руководствовались самыми благородными чаяниями, обусловленными горячим сочувствием к угнетённым Ираном и Турцией народам и желанием помочь их освобождению.

Уже само по себе наличие в составе полевых войск Отдельного Кавказского корпуса, насчитывавших всего до 20 тыс. штыков, около 3 тыс. участников декабрьского восстания, показывает, какой существенный вклад внесли они в дело победы в ходе операций против Ирана и Турции.

Значительную роль сыграли при этом офицеры-декабристы, которые являлись носителями не только прогрессивных политических воззрений, но и передовых военных идей.

Большинство из них принадлежало к лучшей части офицерской молодёжи, воспитанной на славных традициях русского национального военного искусства, воплощённых в заветах Суворова и Кутузова. В меру своих сил они отстаивали эти традиции в борьбе с реакционным генералитетом, с тупыми и бездушными поклонниками пруссачества.

Некоторые из сосланных на Кавказ декабристов, как, например, И. Г. Бурцов, отличались высоким уровнем военно-теоретической подготовки. Ещё в 1819 г. на страницах выходившего в Петербурге и впо-

следствии закрытого Аракчеевым «Военного журнала» была напечатана большая статья Бурцова «Мысли о теории военных знаний». Бичуя низкопоклонство перед иностранными военными теоретиками, молодой офицер-декабрист подвергал в ней резкой критике сочинения английского военного писателя Ллойда и австрийского военачальника эрцгерцога Карла, которые, по его мнению, отличались «недостатком связи, маловажностью мыслей, тщетностью и пустотой рассуждений». Он считал «несовершенными» также труды французского военного теоретика Генриха Жюмини, авторитет которого в кругах царского генералитета был тогда чрезвычайно высок.

Учитывая возросшее значение морально-политического фактора в войне и отмечая «великое сходство политических наук с военными», И. Г. Бурцов подчёркивал, что «для полного образования полководца не довольно одних военных знаний», что «все политические науки... как сопредельные военным, а с другой стороны все нравственные, подающие правила владеть человеческим сердцем, должны войти в состав общей пространной теории, управляющей действиями истинных полководцев»³⁹.

Тезис Бурцова о том, что военачальник не должен смотреть на солдата, как на бездушный автомат, а обязан относиться к нему, как к человеку и гражданину, воспитывая в нём сознательное отношение к выполнению воинского долга, разделяли в той или иной мере все его товарищи из числа декабристов.

И на далёком Кавказе они не изменили своим взглядам на военное искусство, следуя в деле воспитания и вождения войск суворовской «науке побеждать» и демонстрируя в сложных условиях горного театра войны высокие образцы боевого мастерства. Они считали солдата главной силой армии и старались завоевать его доверие. Многим из них, особенно тем, кто находился некоторое время на положении рядовых, предоставлялась широкая возможность сблизиться с солдатской массой. И они в полной мере воспользовались этой возможностью, найдя путь к сердцу солдата и проникнувшись уважением к нему.

«Кто видел солдат только на разводе, тот их не знает, кто видел их с фухтелем в руках, тот их и не узнает никогда, хоть бы век прослужил с ними. Надо спать с ними на одной доске в карауле, лежать в морозную ночь в секрете, итти грудью с грудью на завал, на батарею, лежать под пулями в траншеях, под перевязкой в лазарете... чтобы узнать добрый, смысленный народ наш»⁴⁰, — писал А. Бестужев, признаваясь, что на Кавказе ещё больше «полюбил русского солдата».

Именно любовь к русскому солдату, умение оценить его «смышленость» и дру-

³⁶ Е. Лачинов. Исполнь. «Кавказский Сборник». Т. 1, стр. 152, 155. Тифлис. 1877.

³⁷ «Воспоминания братьев Бестужевых», стр. 393. М. 1931.

³⁸ А. Грибоседов. Соч., стр. 637. Л. 1945.

³⁹ «Военный журнал». Кн. 2. 1819 г., стр. 49—63.

⁴⁰ «Русский Вестник» № 4 за 1861 г., стр. 319.

гие моральные качества, способность использовать эти качества в бою и отличали офицеров-декабристов от большинства командиров николаевской армии.

Воспитывая подчинённых в духе личной инициативы, офицеры-декабристы и сами применяли разнообразные тактические приёмы в зависимости от реальной обстановки, складывавшейся в ходе сражения. Не ограничиваясь предусмотренной в уставах и предписанной свыше тактикой действия сомкнутыми построениями типа каре или колонны, они практиковали также действия в рассыпном строю, наиболее эффективные в горно-лесистых условиях. Им свойственно было стремление к расчленённому и гибкому боевому порядку, тогда как в официальных высших военных кругах замечалась в те годы явно выраженная тенденция к возрождению «линейной тактики», сковывающей войска на поле боя.

Ещё в период русско-иранской войны 1826—1827 гг. многие из сосланных на Кавказ офицеров-декабристов отличились не только личной доблестью, но также выдающимися организаторскими способностями и глубоким знанием военного дела. Так, например, при осаде Еревана всеми инженерными работами фактически руководил разжалованный в солдаты М. И. Пущин, инициативе и опыту которого командование во многом было обязано успешными действиями под стенами этой крепости. По словам очевидца, М. И. Пущин «руководил и мелкими, и крупными работами, от взвзаныя фашин и туров, от работ киркой и лопатой до устройства переправ и мостов, до трассировки и возведения укреплений, до ведения апрошей, и кроме того, исполнял множество важных поручений. Он же в той же солдатской шинели присутствовал на военных советах у главнокомандующего, где его мнения почти всегда одерживали верх»⁴¹.

Во время блокады Еревана и Сардар-абада также, согласно официальной ре-ляции, «исполняли свой долг с похвальной ревностью, поощряя прочих нижних чинов своим примером», разжалованные в солдаты декабристы П. Коновницын, Н. Оржицкий, П. Бестужев, Ф. Вишневский, Н. Цебриков, Н. Кожевников, М. Лаппа и Е. Мушин-Пушкин.

Ещё более крупную роль сыграли офицеры-декабристы в ходе войны с Турцией 1828—1829 годов. Только благодаря смелой инициативе полковника Бурцова и подполковника Миклашевского русским войскам удалось 5 июля 1828 г. овладеть западным предместьем Карса, что предвещало быстрое падение этой крепости. Следует отметить, что Паскевич не решался штурмовать Карс и грозил отдать под суд Бурцова и Миклашевского, завязавших бой по своему почину. Лишь под влиянием настоячивых убеждений Вальховского, Пущина и других декабристов, а также «ермоловцев» он согласился начать наступление против восточного фаса крепо-

сти, чтобы использовать и развить частный успех, достигнутый под руководством Бурцова в районе западного предместья⁴².

В результате стремительного натиска закалённых в битвах кавказских полков сильная крепость, служившая оплотом турецкого владычества в Армении, в тот же день пала. Это было тем более замечательно, что на Дунае более многочисленная войска 2-й армии, руководимые Витгенштейном и подобными ему бездарными военачальниками, месяцами топтались у стен турецких крепостей, неся к тому же огромные потери.

При штурме Карса отличились и многие из разжалованных декабристов, которых Паскевич по приказанию царя намеренно «употреблял в первых рядах или в стрелках и всегда там, где представлялось бо-лее опасности»⁴³. Кроме Пущина, руководившего осадными работами и лично предпринимавшего инженерную разведку подступов к турецким укреплениям, необходимо отметить Акулова и Веденяпина, штурмовавших западное предместье Карса в рядах бойцов 42-го егерского полка, а также П. Бестужева и Цебрикова, находившихся в штурмовых колоннах Ширванского пехотного полка.

Активное участие принимали декабристы в боях у стен Ахалкалаки и Ахалцихе. Во время труднейшего похода через хребет Цихес-Джвари в августе 1828 г. успешной организации высокогорного марша много способствовал В. Д. Вальховский, исполнявший обязанности обер-квартирмейстера (начальника оперативной части) штаба корпуса. По свидетельству очевидцев, «заботливостью Вальховского присылались... описания дорог», причём «точность сих описаний была разительна» и начальники колонн «всегда знали наперёд о каждой канаве, которая могла остановить движение колонны, и брали заблаговременно меры для поправления дороги, знали, где есть корм подножный, воды, где обозы могли строиться в несколько линий или итти по одиночке»⁴⁴.

В сражении на подступах к Ахалцихе 21 августа и во время штурма этой крепости 27 августа 1828 г. офицеры-декабристы вновь показали высокое мастерство в деле вождения войск и управления ими в боевой обстановке.

Помимо Бурцова, благодаря искусному руководству которого был захвачен «Северный бастион», являвшийся ключевой позицией турецкой обороны, особенно отличились здесь Коновницын, Гангблов, Искрицкий, Сухоруков, а также Пущин, находившийся «в самом пылу сражения» и «жестоко раненный пулей в грудь на вылет». Геройски вёл себя разжалованный А. А. Фок, который в разгар боя принял

⁴² ЦГИА Грузинской ССР, ф. 4, оп. I, л. № 448, лл. 15—16. См. также «Записки М. И. Пущина» («Русская Старина» № 2 за 1884 г.) и «Записки Н. Н. Муравьева» («Русский архив» № 3 за 1887 год).

⁴³ Г. Вейденбаум. Указ. соч., стр. 486.

⁴⁴ «Записки Н. Н. Муравьева», стр. 392.

⁴¹ «Воспоминания А. С. Гангблова», стр. 258.

командование ротой егерей, потерявшей своих офицеров, хотя сам был ранен вражеской пулей. Только после третьего ранения он позволил отнести себя на перевалочный пункт⁴⁵.

Когда полгода спустя турки попытались отбить Ахалдзскую крепость, на выручку осаждённому русскому гарнизону подошел вспомогательный отряд под командованием Буцова⁴⁶.

Летом 1829 г. войска Кавказского корпуса, преодолев Саганлугский хребет, разгромили главные силы турецкой Анатолийской армии в сражениях у Каинлы и Миллидюза и овладели Эрзерумом и Байбуртом. И эти успехи были в значительной мере достигнуты благодаря воинскому мастерству и командному опыту офицеров-декабристов⁴⁷.

Паскевич, который, как заметил Денис Давыдов, не был одарён «ни прозорливостью, ни решительностью, ни самостоятельностью», сделал блестящую карьеру лишь благодаря личной близости к Николаю I (в бытность последнего ещё наследником престола). Не отличаясь полководческими талантами, он использовал ссыльных декабристов как военных специалистов, но отнюдь не был склонен, однако, по достоинству оценить их заслуги. Отмечая в рапорте от 15 июля 1828 г. храбрость разжалованных в солдаты декабристов, отличившихся при штурме Карса, он писал: «Хотя таковые заслуги разжалованных по делу о злоумышленных обществах и одобряемое поведение обращают на них внимание начальства, но я полагаю, что производство их в офицеры можно отложить до окончания настоящей войны»⁴⁸.

Все представления о награждении отличившихся в боях декабристов либо умышленно задерживал Паскевич либо оставлял «без последствий» император. Н. И. Лорер писал по этому поводу: «Ближайшим начальникам не позволялось таксировать наших заслуг и предоставлялось только прописать «на всемирлотвейшее воззрение». Каждый из нас мог снять звезду с неба, и это не дало бы ему права получить награду»⁴⁹. Примером этому может служить то, что представленный к награждению орденом Георгиевского креста в 1828 г. Пуцин получил его... тридцать лет спустя, в 1858 году.

Так же скупно оценивались боевые заслуги и других декабристов. Разжалованные из них в солдаты, несмотря на боевые подвиги, годами дожидались офицерской звёздочки. А. Бестужев был прав, когда

говорил, что производство в офицеры он «выстрадал и выбил штыками»⁵⁰.

После окончания войны с Турцией полицейский надзор и слежка за служившими на Кавказе декабристами заметно усилились. «Доносчиков расплодилось многое множество...— вспоминал Лорер.— Была организована система политического доноса. Не было общественного места, не было гостиной, куда бы не вкрались шпионы, даже семейный очаг не был от них избавлен... Грустно! При Ермолове этого не было»⁵¹.

Жандармским офицерам предписывалось время от времени объезжать все крупные гарнизоны и экспедиционные отряды. Они должны были обращать особое внимание на «образ жизни и поведение... государственных преступников» и отклонять «благовидным образом от сношения с ними молодых офицеров»⁵². Посещения жандармов нередко сопровождалась обысками на квартирах ссыльных декабристов, а иногда и арестами. Так, в 1834 г. в Пятигорске был арестован бывший член «Северного общества» поручик С. М. Палицын и затем переведён в другой полк.

«Причастных к декабрьскому делу» старались назначать в отдалённые гарнизоны, в затерянные в горах Кавказа небольшие кордонные укрепления. Их положение ухудшалось по мере изменения общего режима в Отдельном Кавказском корпусе. В 30-х годах XIX в. и здесь стало распространяться тлетворное влияние реакционной военной системы, господствовавшей в николаевской армии. Вместо «ермоловцев» на командные посты выдвигались прибывавшие из столицы ученики аракевской школы и поклонники пруссачества. Боевая учёба подменялась бессмысленной шагистикой, подготовкой к парадам и смотрам. Малейшее отступление от схоластических официальных уставов жестоко преследовалось.

Не удивительно, что в подобной обстановке у ссыльных декабристов рождалось стремление уйти в отставку и покинуть Кавказ. Но осуществить такое намерение было нелегко, даже при условии ходатайства влиятельных лиц. На просьбу оренбургского генерал-губернатора В. А. Перовского перевести А. Бестужева в Оренбург, где он благодаря своему литературным способностям мог бы быть использован для «статистического описания края», Николай I цинично ответил: «Бестужев следует послать не туда, где он может быть полезнее, а туда, где он может быть безвреднее»⁵³.

Разрешения выйти в отставку можно было добиться только в случае ранения или тяжёлой болезни.

⁴⁵ ЦГИА Грузинской ССР, ф. 4, оп. I, д. № 450, лл. 3—4. См. также «Воспоминания А. С. Гангеблова», стр. 250.

⁴⁶ Там же, ф. 1025, оп. 3, д. № 100, лл. 260—265.

⁴⁷ Там же, ф. 4, оп. I, д. № 448, лл. 76—77, а также ф. 1025, оп. 3, д. № 99, лл. 302—303.

⁴⁸ Г. Вейденбаум. Указ. соч., стр. 486.

⁴⁹ Н. Лорер. Указ. соч., стр. 217.

⁵⁰ «Отечественные Записки» № 7 за 1870 г., стр. 61.

⁵¹ Н. Лорер. Указ. соч., стр. 150.

⁵² «Русская Старина», октябрь 1880 г., стр. 419—420.

⁵³ А. Розен. Указ. соч., стр. 245.

Лишь к концу 40-х годов, то есть спустя 20 лет после декабрьского восстания, офицеры-декабристы получили возможность оставить службу в Отдельном Кавказском корпусе. Последними дождались разрешения на это А. Н. Сутгоф (в 1857 г.) и А. А. Добринский (в 1858 г.).

Но не всем из сосланных на Кавказ декабристов посчастливилось вернуться на родину. Многие безвременно погибли в этом далёком краю. Бурцов, Бодиско, Берстель, Лихарев, Войнилович, Миклашевский, А. Бестужев пали смертью храбрых в боях. Одоевский, Дивов, Арцыбашев, Волков, Гвоздев, Искрицкий, Кожевников, Корнилович, Рынкевич, Семичев умерли от ран и болезней.

Сохраняя «прежние мысли» и «дух общества», сосланные на Кавказ декабристы продолжали оставаться на идейных позициях, характерных для дворянских революционеров.

Они попрежнему были далеки от народных масс, не связаны с антифеодальным движением местного крестьянства, они не были способны подняться до правильного понимания сущности национального вопроса. Но в то же время они осуждали реакционную политику царизма на Кавказе, крепили братскую дружбу с представителями передовой интеллигенции Грузии, Азербайджана и Армении, ратовали за тесное культурное содружество русского и кавказских народов.

Сочувствуя делу освобождения народов Закавказья от иранского и турецкого владычества, декабристы способствовали этому своим активным участием в войнах с Ираном и Турцией. Играя при этом выдающуюся роль в обеспечении боевых действий войск Отдельного Кавказского корпуса, они показали себя достойными учениками Суворова и Кутузова, вписав славные страницы в историю русского военного искусства.